

Евгений ПАНОВ

Москва

Глава 1

Осень. Раньше я любил осень, а последние десять лет просто ненавижу. А ещё я ненавижу автомобили. Особенно гламурные иномарки. И гламурных тёлочек за их рулём. Хорошо, что из моего окна их не было видно. Не заезжают в наш двор такие тачки. А в последние полгода я не только машины, я солнечного света не видел. Полгода под землёй. Полгода сплошного кошмара, когда тебе под гипнозом и обычными методами вкачивают в мозг максимальное количество информации в различных областях. Радует только то, что скоро всё это закончится. Закончится в любом случае. Меня просто не станет в этом мире. Осталось ждать буквально считанные дни.

А каких-то десять лет назад я был молод, здоров и счастлив. У меня было всё, что нужно человеку для счастья. Любящая красавица жена, замечательный сын-первоклассник, не самая плохая работа с не самой плохой зарплатой, квартира, машина и дача, поездки за границу к морю раз в год и плюс к этому два брата, для которых я был непререкаемым авторитетом. Теперь ничего этого нет. Остались только братья, благодаря которым я всё ещё живу. Всё остальное погибло под колёсами гламурной иномарки, которой управляла гламурная, вусмерть пьяная девица, оказавшаяся дочкой какого-то высокопоставленного чиновника.

Я хорошо помню тот день, и за прошедшие десять лет память не притупилась. Было начало октября 2010 года, через пару месяцев мне должно было

стукнуть 35 лет. Мы возвращались с семьёй из аквапарка, где неплохо порезвились и отдохнули, и решили по пути зайти в супермаркет возле дома, купить на ужин всяких вкусняшек. Уже перешли улицу и шли по тротуару, Костик радостно прыгал, держась за наши руки, Марина мило улыбалась, подставив лицо последним тёплым лучам уходящего солнца. Так они и остались в моей памяти, радостный весёлый сын и улыбающаяся жена.

Не было ни визга тормозов, ни сигнала клаксона. Просто страшный удар в спину — и темнота. Полгода комы, выйдя из которой, я узнал, что у меня больше нет ног. И семьи тоже больше нет. Кроме братьев. Именно благодаря им я и выжил, хотя долго проклинал их за это.

Болек и Лёлик. Борис Андреевич и Леонид Андреевич. Два молодых светила науки. Они были в больнице, куда меня привезли, буквально через час после случившегося. Они подняли на уши всех медицинских специалистов, до кого смогли дозвониться. Они возились со мной, пока я был в коме, они возили меня по всем ведущим клиникам мира, когда я очнулся. Они организовали похороны жены и сына. Они не дали спустить на тормозах и прекратить уголовное дело против гламурной тёлки, убившей моих родных. Они молча терпели мои проклятья в их адрес за то, что не дали мне умереть с моими любимыми. Они наняли сиделку и оборудовали мою квартиру всем необходимым для жизни инвалида-колясочника, у которого помимо отсутствия ног ещё и раздроблен позвоночник. Они все эти десять лет поддерживали меня и обеспечивали буквально всем. И вот полгода назад судьба преподнесла мне очередной сюрприз. Рак костного мозга. Врачи дали максимум год. И снова Болек и Лёлик взялись за моё спасение.

Чтобы выжить, мне нужно... уйти. Из этого мира в другой. Вернее, даже не совсем в другой, а почти

что в наш, только на почти 90 лет назад, из 2020 года в 1932-й. Хотя тут тоже не всё так просто. Мир вроде как и наш, а вроде как параллельный, местные головастики и сами ещё до конца не разобрались. Уйду не я сам, перемещение физических тел невозможно, уйдёт моё сознание, или, выражаясь научно, моя психоматрица. Риск огромный. Девяносто восемь процентов за то, что я просто растворюсь в темпоральном поле перехода, и лишь два процента дают положительный исход. Задание для смертника, которым, по сути, я и так являюсь.

Тогда, полгода назад, узнав о моем диагнозе, Болек и Лёлик приехали ко мне. Выпроводив из квартиры сиделку, они молча сели напротив и уставились на меня.

— Что, сочувствовать приехали? — спокойным голосом спросил я. — Так для меня это избавление, а не наказание. Жаль только, ждать ещё довольно долго, да и уходить буду с не самыми приятными ощущениями. Шансов, как я понимаю, всё равно нет никаких.

— Ну, вообще-то шанс есть. Мизерный, но есть, — ответил Лёлик. — Только тебе придётся поехать с нами, и сюда ты уже в любом случае не вернёшься.

— А оно мне надо?

— Это ты решишь после того, как согласишься ехать с нами и поговоришь с одним человеком, — вступил в разговор Болек, — но в любом случае для тебя ничего не изменится. Если откажешься от предложения, то сможешь дожить сколько осталось в комфортных условиях и уйти без мук.

— Болек, ты всегда с детства выступал в роли артиста, — хмыкнул я. — Ладно, бог с вами, поехали. Возможность умереть спокойно тоже дорогого стоит.

У подъезда уже ждала машина скорой помощи, что в условиях пандемии коронавируса никого из соседей не удивляло. Потом была почти двухчасовая поездка до ворот затерянной среди лесов воинской части, трёхчасовой перелёт в грузовом отсеке Ил-76, в который

карета скорой помощи просто заехала, и ещё почти час езды по бетонке, проложенной среди вековой тайги. И вот среди расступившихся деревьев стало видно одинокое трёхэтажное обшарпанное строение, обнесённое, однако, мощным бетонным забором, высотой метров пять. Микроавтобус заехал в открытые каким-то невзрачным мужичком ворота, повернул к строению и нырнул в поднятые ворота подземного паркинга. Контраст между тем, что было снаружи, и тем, что встретило внутри, был просто поразительным.

Если внешне была видимость полузаброшенного объекта, то внутри всё сияло стерильной чистотой, потолочные панели источали ровный яркий свет, а встречающие были облачены в медицинские изолирующие костюмы, которые уже примелькались в репортажах из российских больниц. Даже жутковато стало. Где-то краем мелькнула мысль о чёрных трансплантологах, которую, хохотнув про себя, я тут же отбросил. Кому я нафиг нужен?..

Меня очень бережно пересадили в навороченную инвалидную коляску и повезли к лифту. Вначале я подумал, что лифт пойдёт наверх, на второй или третий этаж, но, судя по ощущениям, он начал, убыстряясь, спускаться вниз. Довольно долго.

«Это же в какой Тартар меня везут?» — мелькнула мысль.

Почему-то вспомнилось далёкое прошлое. Детство, школа. Вспомнил, как впервые увидел Болека и Лёлика. Вообще-то они мне не родные братья. Их усыновили мои родители, и не без моего участия. Я тогда учился в седьмом классе. В нашей школе учились дети из детского интерната, расположенного неподалёку. И вот поднимаюсь я из расположенной в цоколе раздевалки и вижу, как известный на всю школу двоечник и хулиган Миха Штырь, он же Михаил Штырляев, из 8-го «Б» с двумя своими прихлебателями зажал в углу парочку мелюзги, по виду типичных ботаников, в одина-

ковых огромных очках. Да и внешне они были очень похожи друг на друга. Ну понятно, опять Михе на пиво не хватает, и он вытрясает мелочь из тех, кто ответить ему не может. А ведь мелкие-то из интернатовских. Нашёл у кого деньги шакалить, урод.

— Штырь, а ты берега не попутал? — разминая запястья, спокойным голосом спросил я. — Ты с кого трясёшь, утырок?

Надо сказать, что ростом я был довольно высокий, плюс ко всему, почти 7 лет занимался самбо, да не простым, а боевым, с родным братом отца, дядей Сашей, который, по слухам, в своё время тренировал спецов ГРУ, пока не ушёл на пенсию по ранению. Сам он об этом не рассказывал, а на расспросы обычно отшучивался. Так что Штырь со своими шестёрками мне были не соперники, и они об этом прекрасно знали, уже пару раз получив от меня физические замечания.

— О, защитничек явился, — скривился Штырь. — Забирай этих шмакодявок и иди куда шёл.

Цикнув сквозь зубы, троица вразвалочку пошла в сторону буфета, по пути задирая всех встречающих.

Двое мелких молча стояли, глядя на меня сквозь свои несуразно большие очки.

— Ну давайте знакомиться, что ли, — вздохнув сказал я. Недавно прочёл Экзюпери, и фраза «мы в ответе за тех, кого приручили» всё ещё была свежа в памяти.

— Я — Борис, а это Лёня, то есть Леонид, — ответил тот, что чуть пониже. — А тебя мы знаем, ты нашей классной помогал перед пением гитару настраивать, тебя Витя Головин зовут, ты из 7-го «А», а мы — из 4-го «А».

— А ещё ты Штыря за школой побил, — добавил второй мелкий.

— Ха, Болек и Лёлик, — хохотнул я, вспомнив виденный не так давно мультфильм про двух непоседливых мальчишек. — Ну, пошли, а то на урок опоздаете. Кстати, Штырь у вас ничего не отобрал?

— Нет, — ответил Лёлик, улыбнувшись, — у нас и нет ничего.

Так я взял своего рода шефство над этими двумя забавными пацанами. Через пару месяцев поговорил с их воспитательницей из интерната и пригласил ребят к себе домой. Родители их закормили так, что они оба стали похожи на два раздувшихся шара. Потом уже мои родители стали забирать пацанов на выходные, а через год и вовсе усыновили. Так у меня появились два брата.

Отец был инженером-строителем. Как о нём говорили, таких спецов, как он, на весь Союз можно было по пальцам пересчитать. Наверное, поэтому, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, его одним из первых отправили туда. Там он просчитывал на месте возможность строительства саркофага над реактором, там и нахватался доз радиации, что здоровья ему не добавило.

Мать работала ведущим инженером-проектировщиком в одной из организаций при Госстрое СССР.

С развалом Союза работы у родителей стало всё меньше и меньше. Закрылись организации, в которых работали и отец, и мать. Стало довольно тяжело жить. Вскоре отца позвали работать в открывшееся СП, совместное предприятие с немцами. Появившиеся «новые русские» начали активно строить особняки и дворцы. Возник спрос на проекты и строительные фирмы. Материальное положение семьи значительно улучшилось.

В 1993 году я закончил школу с серебряной медалью (на английском засыпался и вместо ожидаемой пятёрки получил четыре) и, к ужасу родителей, поехал поступать в десантуру, в РВВДКУ. Сказалось долгое общение с дядей Сашей. Уже в поезде полез разнимать подвыпивших и чего-то не поделивших соседей по купе и получил нож в бедро. О десантуре пришлось забыть. Но не о желании стать военным. Военком предложил на следующий год попробовать поступить в другое

училище, а до того времени пойти куда-нибудь учиться, хоть в ПТУ, чтобы не попасть под осенний призыв этого года.

В ПТУ вытаращили глаза на школьного медалиста, возжелавшего освоить профессию машиниста мостового крана, но документы приняли. И вот я уже сижу в учебном классе, в котором собрались двадцать человек, из которых пятеро парней и пятнадцать девочек. К моему удивлению, все одноклассники оказались очень даже хорошими ребятами и девочками. Вот и верь рассказам про пэтэушников, которые все поголовно пьянь и рвань. Да и учиться было интересно. И досуг проводили весело, устраивая дискотеки по выходным, пару раз даже сходили в поход.

Учёба далась без каких-либо проблем, и, получив свой заслуженный красный диплом и собрав документы, я буквально на следующий день, уступив мольбам родителей, поехал поступать в инженерно-строительный вуз. Продолжать, так сказать, семейную династию. Поступил, хотя это было непросто, и начались мои студенческие будни.

К тому времени Болек и Лёлик окончили школу, оба с золотыми медалями, и готовились поступать в вуз. Болек — на физмат в МГУ, Лёлик — на химфак, тоже в МГУ.

Письма из дома приходили часто, мать писала об успехах братьев, но чувствовалась какая-то недоговорённость. Так-то дела дома шли хорошо. Отец организовал строительную фирму. Было много подрядов на строительство. Денег хватало и на поддержку трёх студентов.

И вот в начале четвёртого курса из дома пришла весть, что отца парализовало. Чернобыль догнал его. Состояние было крайне тяжёлым. Мать выбивалась из сил, ухаживая за отцом. Деньги утекали рекой. Первым порывом было бросить учёбу и рвануть домой, чтобы хоть как-то помочь. У Болека и Лёлика мысли были

точно такие же, о чём они мне и написали. Пришлось на них рывкнуть, чтобы даже не думали о ерунде и продолжали учиться. Мать в письмах и по телефону успокаивала меня, что отцу становится лучше и всё обойдётся, но в декабре 1997-го его не стало.

Через две недели после похорон мать возвращалась из магазина, и её ударил по голове железным прутом нарик, которому не хватало денег для дозы. Мать впала в кому. Тут уж пришлось мне бросать учёбу и ехать ухаживать за мамой. Все накопления, что были, ушли на лечение отца. Пришлось продавать шикарную квартиру и покупать скромную двушку, а оставшиеся деньги пустить на лечение матери. Фирму отца давно уже обанкротили и разодрали на части, так что и с этой стороны было глухо. Однако ничего не помогло, и мать умерла, так и не придя в сознание. Так я остался без родителей. Дядя Саша к тому времени тоже уже умер, сказались старые раны.

Остро встал вопрос, как жить дальше. Из образования — лишь диплом ПТУ да справка из института об окончании трёх курсов и военной кафедры и присвоении звания лейтенанта запаса. А надо ещё и братьев поддерживать. Пришлось идти работать на завод. Вспомнить свою первую специальность.

Работал в «горячем» цеху на кране. Повезло, что зарплата была хорошая, которую хоть и задерживали, но не так сильно, как на других предприятиях. Поступил на вечернее отделение вуза на специальность «инженер-механик». По справке взяли сразу на третий курс. Так и жил. Со смены, если утренняя, бежал домой, быстро перекусывал — и бегом в институт. Если работал с обеда, то на занятия бежал с утра пораньше. Перед ночными — так же вечером на учёбу и сразу на смену в цех. Зарплаты, в принципе, только-только хватало, чтобы заплатить коммуналку, купить недорогих продуктов да выслать немного денег вечно голодным студентам.

Занятия самбо я не забросил, благо ещё в своём первом институте близко сошёлся с преподавателем физической культуры, который был настоящим гуру в рукопашке. От него узнал много нового, да ещё увлёкся китайской гимнастикой «тайцзицюань»¹. Вот теперь это и пригодилось. Начал вести по выходным платную секцию по ушу. Договорился о спортзале в родном вузе. Я вёл секцию, а они отчитывались о проведении спортивно-массовых мероприятий. Ну и долю малую им отстёгивал. Куда же без этого.

Болек с Лёликом, эти два молодых гения, смогли получить гранты на продолжение обучения за границей и улетели в страну «вероятного противника». Стало немного полегче.

На одном из занятий секции ушу увидел новенькую молодую симпатичную девчонку. Заглянул ей в глаза и понял, что пропал. После тренировки пошёл провожать. Марина, так звали прекрасную брюнетку, жила буквально в двух кварталах от института, но мы шли это расстояние несколько часов. Говорили и не могли наговориться. Через два месяца сыграли скромную свадьбу. Марина предлагала просто расписаться, но я хотел, чтобы у неё всё было красиво, благо денег к тому времени немного подкопил. Так что и белое платье, и кольца, и разукрашенная лентами машина. Всё было. И ресторан, в котором, хоть и довольно скромно, посидели с друзьями. Мои братья далеко, у Марины тоже лишь тётка.

Поначалу жили очень скромно, но постепенно жизнь начала налаживаться. С одним товарищем организовали фирму по монтажу и обслуживанию систем

¹ Тайцзицюань (тай-чи) — буквально: «Кулак Великого Предела»; китайское внутреннее боевое искусство, один из видов ушу. Популярно как оздоровительная гимнастика, но приставка «цюань» (кулак) подразумевает, что тайцзицюань — это боевое искусство.

КИП и автоматики на нефтегазопроводах, благо у товарища был родственник, входящий в круги нефтяников и газовиков. В семье появился достаток. К тому времени уже родился сын. Болек с Лёликом вернулись из Америки и работали в каком-то НИИ с непроизносимым названием. Ну а потом всё и произошло, и весь мой мир рухнул...

Вот и лифт остановился. Это на какую же глубину меня завезли?

Человека, сидевшего передо мной, можно было принять за кого угодно, но точно не за профессора. Как говорится, увидишь раз — и тут же забудешь. Одень его в спецовку, и от работы не отличишь. И всё же... Было в нём что-то такое, что сразу не бросалось в глаза, но со временем как бы всплывало из глубин сознания. Цинизм какой-то, в большей степени присущий давно практикующим врачам. Взгляд... Ну, таким взглядом, наверное, смотрят на подопытную мышь, которой вкололи доселе неизвестное вещество, и теперь с интересом глядят, как та отреагирует.

— Ну что же, Виктор Андреевич, — начал профессор, — говорить о том, что рад нашей встрече, я не буду. Это будет, учитывая ваши обстоятельства, не совсем корректно. Но всё же в какой-то мере я действительно отчасти рад. В сложившейся ситуации вы для нас идеальный вариант, но об этом несколько позже.

Далее профессор (Антонов Дмитрий Сергеевич, как он представился) довольно долго и достаточно подробно рассказал о сути того, что мне, в случае согласия, предстояло сделать. М-да, ну что тут скажешь? Фантасты отдыхают и нервно курят в сторонке.

Началось всё ещё в 60-х годах XX века, когда в СССР озаботились созданием систем маскировки, позволяющих сделать объект невидимым во всех спектрах, включая видимый диапазон. Что-то вроде аналога «филадельфийского эксперимента», когда американцам якобы удалось сделать невидимым эсминец

«Элдридж», да ещё и телепортировать его на довольно большое расстояние. Ну, с американцами до конца так и не ясно, было или нет, а вот советским учёным кое-что удалось. А удалось им ни много ни мало пробиться в другое измерение.

Беда была в том, что любой материальный объект мгновенно аннигилировался. Было проведено множество экспериментов и исследований, пока однажды не выяснили, что информация в виде электромагнитного излучения определённой частоты проходит свободно. Тут кто-то вспомнил об экспериментах ещё 1920-х — 1930-х годов, когда пытались перенести сознание одного человека в тело другого (а что такое есть наше сознание, как не то самое электромагнитное излучение?). Откопали в старых архивах всё, что там сохранилось, стряхнули с этого пыль и начали думать, что к чему приложить. Появилась идея забросить сознание человека в это самое измерение и посмотреть, что там и как.

— Все эти измерения, — продолжал профессор, — на самом деле являются более-менее идентичными. Это как ветки, отпочковывающиеся от единого ствола. Мы их назвали струнами. Где-то когда-то произошли некоторые изменения в ходе течения реальности в основном стволе, и от него отпочковалась новая ветвь, уже со своим течением времени. Например, где-то Тунгусский метеорит отклонился на долю градуса и пролетел мимо Земли. И в той реальности кто-то не вдохновился этим событием и не совершил какое-то открытие, а как итог, там люди так и не вышли в космос. А где-то метеорит, наоборот, вошёл в атмосферу чуть раньше и полностью уничтожил Санкт-Петербург. И таких ветвей-струн бесчисленное множество.

Проблема в том, что для того, чтобы пробиться из одной струны в другую, нужно огромное количество энергии. Причём пробой получается со смещением во времени относительно нашего. И смещение это направлено в прошлое примерно на 90 лет. В миры будущего